

К. Θ. РЫЛЪЕВЪ,

Стихотворенія его съ предисловіемъ и примѣчаніями П. А. Ефремова.

I.

Въ собраніи сочиненій К. Θ. Рылѣева, помѣщенныхъ въ „Русск. Стар.“ изд. 1871 г., т. III, стр. 64—113, между прочими, напечатана ода „Гражданское мужество“ (стр. 98—101). Подлинной рукописи этой оды тогда у меня не было, а имѣвшіеся подъ руками списки были довольно плохи, такъ что текстъ оды я взялъ съ печатнаго экземпляра, о чемъ и оговорился тогда-же; но и въ печатномъ текстѣ были явныя ошибки, которыхъ невозможно было не замѣтить съ перваго взгляда, какъ, напримѣръ, риму „Бренновъ“ и „Цицероновъ“ и друг.

Нынѣ Е. И. Якушенинъ обязательно сообщилъ мнѣ подлинную рукопись Рылѣева, съ которой привожу вполнѣ исправный текстъ, причемъ разрядкой отмѣчаю варианты противъ прежнихъ изданій этого замѣчательнаго стихотворенія.

Гражданское мужество.

О да.

Кто этотъ дивный великанъ,
Одѣянъ свѣтлою броней,
Чело покойно, стройный станъ
И весь сіяетъ красотою?
Кто сей украшенный вѣнкомъ,
Съ мечемъ, вѣсами и щитомъ,
Презрѣвъ враговъ и горделивость,
Стоитъ гранитною скалой
И давить сильною платой
Коварную несправедливость?

Не ты-ль, о мужество гражданъ,
Неколебимыхъ, благородныхъ,

Не ты-ли геній древнихъ странъ,
 Не ты-ли сила душъ свободныхъ,
 О доблесть, даръ благихъ небесъ,
 Героевъ мать, вина чудесъ,
 Не ты-ль прославила Катоновъ,
 Отъ Катилины Римъ спасла,
 И въ наши дни всегда была
 Опорой твердою законовъ.

Одушевленные тобой,
 Презрѣвъ враговъ, презрѣвъ обиды,
 Отъ бѣдъ спасали край родной,
 Сіяя славой, Аристиды;
 Въ изгнаніи, въ чужихъ краяхъ
 Не погасала въ ихъ сердцахъ
 Любовь къ общественному благу,
 Любовь къ согражданамъ своимъ:
 Они благотворили имъ
 И тамъ, на стыдъ Ареопагу.

Ты, ты, которая вездѣ
 Была народныхъ благъ порукой,
 Которой славны на судѣ
 И Панинъ нашъ и Долгорукой:
 Одинъ, какъ твердый стражъ добра,
 Дерзаль оспаривать Петра;
 Другой, презрѣвши гнѣвъ судьбины
 И вопль и клевету враговъ.
 Совѣтъ опровергалъ льстецовъ,
 И былъ столпомъ Екатерины.

Великъ, кто честь въ бояхъ снискалъ
 И страхомъ ставъ для чуждыхъ воевъ,
 Еъ своимъ знаменамъ приконалъ
 Побѣду, спутницу героевъ!
 Отчизны щитъ, гроза враговъ.
 Онъ достойнѣе вѣковъ;
 Пѣвцовъ возвышенные звуки
 Прославятъ подвиги вождя,
 И, юношамъ объ нихъ твердя,
 Въ восторгѣ затрепещутъ внуки.

Какъ полная луна порой,
 Покрыта облаками ночи,
 Пробьетъ внезапно мракъ густой
 И путникамъ заблещетъ въ очи:
 Такъ будетъ вождь, сквозь мракъ времяя,
 Сіять для будущихъ племенъ;
 Но подвигъ воина гигантскій
 И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ

Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ —
Ничто предѣ доблестью гражданской.

Гдѣ славныхъ не было вождей
Къ вреду законовъ и свободы?
Отъ древнихъ лѣтъ до нашихъ дней
Гордились ими всѣ народы;
Подъ ихъ убійственнымъ мечемъ
Вездѣ лилася кровь ручьемъ.
Увы! Аттиль, Наполеоновъ
Зрѣлъ каждый вѣкъ своей чредой:
Они являлися толпой...
Но много-ль было Цицероновъ?...

Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ двухъ, и двухъ Катоновъ.
Но намъ-ли унывать душой,
Когда еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерины славныхъ дней,
Средь сонма избранныхъ мужей,
Въ совѣтъ бодрствуетъ Мордвиновъ?

О, такъ, сограждане, не вамъ
Въ нашъ вѣкъ роптать на провидѣнье;
Благодаренье небесамъ
За ихъ святое снисхожденье!
Отъ нихъ для блага русскихъ странъ,
Мужъ добродѣтельный намъ данъ;
Уже пользка онъ Россію
Гражданскимъ мужествомъ дивитъ;
Вотще коварство вокругъ шипитъ —
Онъ наступилъ ему на выю.

Вотще неправый гласъ страстей
И съ злобой зависть, козни строя,
Въ безумной дерзости своей
Чернятъ дѣянія героя.
Онъ твердъ, покоенъ, невредимъ.
Съ презрѣніемъ внимая имъ,
Души возвышенной свободу
Хранить въ совѣтахъ и судѣ,
И гордымъ мужествомъ вездѣ
Подпорою власти и народу.

Такъ въ грозной красотѣ стоитъ
Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣ мгlistомъ;
Вкругъ буря, градъ и громъ гремитъ,

И вѣтръ въ ущельяхъ воетъ съ свистомъ,
 Внизу несутся облака,
 Шумать ручьи, реветъ рѣка;
 Но тщетны дерзкіе порывы:
 Эльбрусъ, кавказскихъ горъ краса,
 Невозмутимъ, подъ небеса
 Возносить верхъ свой горделивый.

II.

Въ „Русской Старинѣ“, изд. 1871 г., т. III, стр. 91—93 помѣщена мною дума Рылѣва: „Державинъ“,—но также по печатному изданію 1825 г. Въ настоящее время мнѣ сообщена подлинная рукопись этой „Думы“, окончательно приготовленная для печати, т.-е. съ подписью имени поэта, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ, отдавая свои стихи въ печать. Въ этой рукописи уже не варьянты, а совсѣмъ другое, почти вовсе несходное съ напечатаннымъ стихотвореніе. Карандашныя отмѣтки, сдѣланныя постороннею рукой, кажется, указываютъ на то, что въ первоначальной редакціи эта „Дума“ не подошла подъ тогдашнія цензурныя условія и авторъ долженъ былъ совсѣмъ ее переписать. Такъ какъ недавно перепечатанный текстъ подъ руками у читателей, то, не дѣлая частныхъ сличеній, я ограничусь только указаніемъ: въ немъ сохранились изъ помѣщаемаго ниже текста 6 строфъ и притомъ съ большими измѣненіями, а 6 строфъ вовсе не вошли въ печатный текстъ и замѣнены тамъ 8-ю строфами, неизмѣющими ничего общаго съ настоящей рукописью.

Державинъ.

Дума.

(Посвящается Н. И. Глѣбичу).

Съ деревьевъ падалъ желтый листъ,
 Не слышно птицъ *) въ глѣсу угрюмомъ,
 Въ поляхъ осеннихъ вѣтровъ свистъ,
 И плещетъ Волховъ въ берегъ съ шумомъ.
 Надъ Хутынскимъ монастыремъ
 Примѣтно солнце догорало
 И на главахъ златымъ лучемъ
 Изъ тучъ прокравшись трепетало...

Какой-то думой омраченъ
 Младой пѣвецъ бродилъ въ оградѣ,
 Но вдругъ остановился онъ—
 И заблесталъ огонь во взглядѣ,

*) Въмѣсто зачеркнутого: «Смолетъ соловей».

«Что вижу я?—онъ возопилъ—
 Предъ мной Державина могла!
 Тебя-ли рокъ, о бардъ, сразилъ?
 Тебя-ли смерть не пощадилъ?»—

И засіяли, какъ росой,
 Слезами юности рѣсницы,
 И онъ, съ удвоенной тоской,
 Сѣлъ у подножія гробницы.
 И долго, молча, онъ сидѣлъ.
 И мрачною тревожимъ думой,
 Пѣвецъ задумчивый глядѣлъ
 На грустный памятникъ угрюмо...

«Но что,—вѣщалъ онъ наконецъ,—
 Что я напрасно здѣсь тоскую;
 Не умеръ пламенный пѣвецъ:
 Онъ пѣлъ и славилъ Русь святую!
 Онъ выше всѣхъ на свѣтѣ благъ
 Общественное благо ставилъ,
 И въ огненныхъ своихъ стихахъ
 Святую добродѣтель славилъ.

О, какъ удѣлъ пѣвца высокъ!
 Кто въ мірѣ съ нимъ судьбою равенъ?
 Не въ силахъ отказать и рокъ
 Тебѣ въ безсмертіи, Державинъ!
 Не умеръ ты, хотя здѣсь прахъ...
 И въ звукахъ лиры сладкогласной,
 И гражданъ въ пламенныхъ сердцахъ
 Ты оживляешься всечасно!..

О, такъ! Нѣтъ выше ничего
 Предназначенія поэта:
 Святая правда—долгъ его;
 Предметъ—полезнымъ быть для свѣта;
 Избранникъ и посолъ Творца—
 Не долженъ быть ничѣмъ онъ связанъ;
 Святой, великій савъ пѣвца
 Онъ дѣломъ оправдать обязанъ.

Къ неправдѣ онъ кипитъ враждой.
 Ярмо гражданъ его тревожитъ;
 Какъ вольный славянинъ душой,
 Онъ раболѣпствовать не можетъ.
 Повсюду твердь, гдѣ-бы ни былъ онъ—
 Наперекоръ судьбѣ и року;
 Повсюду честь—ему законъ,
 Вездѣ онъ явный врагъ пороку.

Грѣмѣть грозой противъ зла.
 Онъ чтить святымъ себѣ закономъ
 Съ спокойной важностью чела
 На эшафотъ и предъ трономъ.
 Ему невѣдомъ низкій страхъ,
 На смерть съ презрѣньемъ онъ взираетъ—
 И доблесть въ молодыхъ сердцахъ
 Стихомъ свободнымъ зажигаетъ *).

Ему-ли ожидать стыда
 Въ судъ грядущихъ поколѣній?
 Не осквернить онъ никогда
 Порочной мыслию творений.
 Повсюду правды вѣрный жрецъ,
 Томяся жаждой чистой славы.
 Не станетъ портить онъ сердцецъ
 И развращать народа правы.

Поклонникъ пламенный добра—
 Ничѣмъ себя не опорочить,
 И освященнаго пера
 Въ нечестьи буйномъ не омочить.
 Надъ нимъ и рокъ не властелинъ!
 Онъ истину достойно цѣнить,
 И ей нигдѣ, какъ вѣрный сынъ,
 И въ тайныхъ думахъ не измѣнитъ!

Таковъ нашъ бардъ Державинъ былъ;
 Повсюду чести неизмѣнный,
 Царямъ-ли правду говорилъ
 Иль поражалъ порокъ надменный!>
 Пѣвецъ умолкъ—и тихо всталъ...
 Въ немъ сердце билось—и въ волненьи
 Вздохнувъ онъ, отходя, сказалъ,
 Въ какомъ-то дивномъ **) изступленьи:

«О, пусть не буду въ гимназѣ я
 Разнообразенъ, дивенъ, громокъ!
 Лишь только-бъ молвилъ про меня
 Мой образованный потомокъ:
 Парилъ онъ мыслию въ вѣбкахъ,
 Сѣдую вызывая древность,
 И воспалая въ младыхъ сердцахъ
 Къ общественному благу ревность!»!

*) Вмѣсто: воспалаяетъ. Въ этой и предъидущей строфахъ помѣщены съ измѣненіями стихи, которые мы уже привели по черновому наброску въ III-мъ томѣ «Русской Старины» 1871 г., стр. 95—96.

**) Вмѣсто: «Какъ-будто въ дивномъ».

III.

Въ обширной по составу и въ изобилующей необыкновенно рѣдкими книгами (напр. печатный экземпляръ „Путешествія“ Радищева) библиотекѣ Вас. Матв. Л—го хранится, между прочимъ, печатный экземпляръ перваго изданія „Войнаровскаго“, съ современными вписками и поправками стиховъ. Уважаемый владѣлецъ этой книги далъ мнѣ списать эти вписки и поправки, которыя и привожу по тексту, напечатанному въ III-мъ томѣ „Русской Старины“, стр. 485—512. Вмѣсто напечатаннаго тамъ слѣдуетъ читать:

На стр. 502, строка 16 сверху:

Такъ мы, свои разрушивъ цѣпи,
На гласъ свободы и вождей,
Ниспровергая всѣ препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческихъ полей.

На стр. 503, строка 24:

Одно мгновенье все рѣшило,
Одно мгновенье погубило
На вѣкъ страны моей родной
Надежду, счастье и покой.

На стр. 504, строка 11 снизу:

Но знаю то, что затая
Любовь, родство и гласъ природы,
Его сразилъ-бы первый я,
Когда-бъ онъ сталъ врагомъ свободы!

IV.

Слѣдующее ненапечатанное произведеніе Рылѣва написано тотчасъ послѣ смерти его двухлѣтняго сына Александра, около 1824—1825 гг.

Земли минутный поселенецъ,
Земли минутная краса,
Зачѣмъ такъ рано, мой младенецъ,
Ты улетѣлъ на небеса?
Зачѣмъ въ юдоли сей мятежной,
О ангелъ чистой красоты,
Среди печали безнадежной
Отца и мать покинуть ты?

Стихотвореніе это списано мною съ подлинной рукописи, принадлежащей Н. И. Пущину.

V.

Предсмертное стихотвореніе К. Θ. Рылѣва.

Въ № 19 „Библиографическихъ Записокъ“ 1861 г. напечатано, по доставленному мной списку, предсмертное стихотвореніе К. Θ. Рылѣва,

которое онъ сообщилъ въ Алексѣевскомъ рavelинѣ соузнику своему кн. Е. П. Оболенскому († 1865 г.), написавъ на вѣловыхъ листьяхъ. Князь впослѣдствіи по памяти записалъ это стихотвореніе, но, какъ теперь оказывается, не вполне точно. Нынѣ дочь К. Θ. Рылѣва, почтенная Настасья Кондратьевна, въ числѣ прочихъ сочиненій покойнаго своего отца, сообщила намъ всѣ имѣющіяся въ семействѣ бумаги. Пользуясь благо-склоннымъ разрѣшеніемъ, помѣщаю въ „Русской Старинѣ“ упомянутое стихотвореніе, списанное мною съ подлиннаго автографа. Оно набро-сано на двухъ письмахъ жены Кондратія Ѳедоровича, Натальи Ми-хайловны, писанныхъ ею 24 мая и 4 іюня 1826 г. къ нему въ крѣ-пость и возвращенныхъ ей оттуда послѣ кончины мужа.

О, милый другъ, какъ внятень голосъ твой,
Какъ утѣшителенъ и сердцу сладокъ:
Онъ возвратилъ душѣ моей покой
И мысли смутныя привелъ въ порядокъ.

Ты правъ: Христось — Спаситель нашъ одинъ,
И миръ, и истина, и благо наше;
Блаженъ, въ комъ духъ надъ плотью властелинъ,
Кто твердо шествуетъ къ Христовой чашѣ.
Прямой мудрецъ: онъ жребій свой вознесъ;
Онъ предпочелъ небесное земному,
И какъ Петра ведетъ его Христось
По тревоженію мірскому.

Для цѣли мы высокой созданы:
Спасителю, сей Истинѣ верховной,
Мы подчинять отъ всей души должны
И міръ вещественный, и міръ духовный*).

Для смертнаго ужасенъ подвигъ сей,
Но онъ къ безсмертію стезя прямая,
И, благоѣствуя, мой другъ, речеть о ней

Сама намъ Истина святая:

«И плоть и кровь преграды вамъ поставитъ,
«Васъ будутъ гнать и предавать,
«Осмѣивать и дерзостно безславить,
«Торжественно васъ будутъ убивать...
«Но тщетный страхъ не долженъ васъ тревожить **» —

*) Далѣе было написано и зачеркнуто:

Все въ жертву Истинѣ — и плоть и кровь
Мы умертвить должны въ душѣ смиренной.
Плотскимъ умамъ ужасенъ подвигъ сей...

**) Пять послѣднихъ стиховъ въ рукописи зачеркнуты. Имъ предшествовалъ еще одинъ стихъ, не вполне мною разобранный:

«Васъ встрѣтитъ міръ, и брань объявитъ вамъ».

Послѣ словъ: «не долженъ васъ тревожить» — набросокъ стихотворенія съ

«И страшны-ль тѣ, кто властенъ жизнь отвять,
 «Но этимъ зла вамъ причинить не смогутъ!
 «Счастливы *), кого Отецъ мой избереть,
 «Кто истины здѣсь будетъ проповѣдникъ,
 «Тому вѣнецъ, того блаженство ждетъ,
 «Тотъ царствія небснаго наследникъ»».

Какъ радостно, о другъ любезный мой,
 Внимаю я столь сладкому глаголу **),
 И какъ орелъ на небо рвусь душой,
 Но плотью увлекаюсь долу.

Душою чистъ и сердцемъ правъ,
 Передъ кончиною, подвижникъ постоянный,
 Какъ Моисей съ горы Нававъ,
 Увидить край обѣтованный.

Сообщилъ П. А. Ефремовъ.

4-й страницы письма отъ 26 мая 1826 г. переходить на 4-ю страницу письма отъ 4 июня.

*) Въмѣсто зачеркнутаго «блаженъ».

***) Было написано: «Я обращаю къ сему глаголу», а четыре заключительные стиха первоначально читались такъ:

Душою простъ и сердцемъ правъ
 Въ часъ смерти оный, подвижникъ постоянный,
 Какъ Моисей съ горы Нававъ,
 Увидить край обѣтованный.